

Первый учитель как идеал

Н.Н. СВЕТЛОВСКАЯ,

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ, Московский городской педагогический университет

Существо, рожденное человеком, станет им только при условии наличия рядом с ним хотя бы одного уже состоявшегося человека, чтобы, подражая ему, «присваивая» его физические и духовные характеристики, постепенно самому становиться прежде всего человеком, *похожим на него*.

К сожалению, значительно чаще, чем хотелось бы, при этом человеческий детеныш встречается с людьми, которые по своим главным характеристикам не являются и не должны быть образцами для подражания. Для подражания с целью закрепления в национальной традиции (или, как теперь говорят, «в менталитете») детям нужен человек-идеал. Разумеется, в природе встретить человека, который был бы безупречен во всем, практически невозможно. Но, как справедливо утверждал Ф.М. Достоевский, «...без идеалов никогда не может получиться никакой хорошей действительности». А обществу нужна такая действительность, так как без представления об идеале движение к цели невозможно. «Школа и есть одно из проявлений жизни с ее борьбой и с ее влечениями к достижению вечной правды», т.е. к идеалу. А школа для ребенка 6–9 лет — это практически *один человек — первый его учитель* или, точнее говоря, учительница.

Для большинства детей — в традиции русского менталитета XIX–XX вв. — первая учительница — это и есть тот идеал, с которого берут пример и которому стремят-

ся подражать — иногда буквально, чаще избирательно — все ее ученики.

Многочисленные беседы с разными людьми, окончившими отечественную школу, и собственный уже более чем 50-летний стаж дают нам право выявить некоторые предварительные закономерности, связанные с представлениями общества об учителе-идеале вообще и о первой учительнице, которую помнят все. Попробуем представить интересующий нас образ живописно.

Если иметь в виду идеальный образ первой учительницы, то практически все сразу же вспоминают кинофильм «Сельская учительница» и актрису Веру Марецкую в роли Варвары Васильевны Мартыновой, институтки, добровольно приехавшей учительствовать в глухое дореволюционное сибирское село и оставшейся там навсегда.

Нельзя не признать, что актрисе удалось создать образ первой учительницы как идеал, вызывающий чувство восхищения и ...грусти. Это цельный, совершенный, образованный человек, по воле судьбы отдавший все хорошее, что в нем есть, главным образом своим ученикам и их окружению. Ее личную трагедию — гибель любимого человека и отсутствие своей семьи — зритель очень быстро забывает, тем более что и сама героиня никогда ничем и ни в чем не напоминает о том, что личная ее жизнь не состоялась. *Зато ученики получили от нее все, и они счастливы. А она радуется тому, как они продолжают ее дело и несут в себе ее идеалы.*

Норма ли это — такая первая учительница: самоотверженная, бескорыстная, самозабвенно любящая всех своих учеников уже за то, что они — будущее той страны, которой она служит, и знающая свое дело настолько, чтобы профессионально, без лишних издержек готовить детей к битве за это будущее?.. Для XIX–XX вв. в России — это норма. Неслучайно ведь уже Д.И. Тихомиров так особо заботился о детях сельских учительниц. Создавая специально для них учебные заведения, он понимал, что хорошей учительнице некогда заниматься родными детьми: ей надо формировать человеческие существа (личности!) из детей, рожденных другими. А решая такую задачу, невозможно помнить о себе: тут — или... Во всяком случае, другого нам не встречалось.

О том, что сельская учительница из одноименного кинофильма — это не «советская идеологическая пропаганда», а правдивое отражение времени, свидетельствуют образы и других людей той же героической профессии, изображенные многими русскими писателями XIX–XX вв., причем среди них (писателей) далеко не все были склонны идеализировать окружающую их действительность. Вспомним хотя бы образ Марии Никифоровны Нарышкиной, двадцатилетней девушки из семьи учителей, которую примерно в то же время (первые годы после революции) после окончания педагогических курсов «назначили учительницей в дальний район — село Хошутово, на границе с мертвой среднеазиатской пустыней» (мы имеем в виду рассказ А. Платонова «Песчаная учительница»). Обратимся к тексту рассказа¹.

«<...> Хошутово было почти совсем занесено песком. На улицах лежали целые сугробы мельчайшего песка, надутого с плоскогорий Памира. Песок подходил к подоконникам домов, лежал буграми на дворах и точил дыхание людей. Всюду стояли лопаты, и каждый день крестьяне работали, очищая усадьбы от песчаных заносов.

Мария Никифоровна увидела тяжкий и почти ненужный труд, — потому что расчищенные места снова заваливались песком, — молчаливую бедность и смиренное отчаяние. Усталый, голодный крестьянин много раз лютовал, дико работал, но силы пустыни его сломили, и он пал духом, ожидая либо чьей-то чудесной помощи, либо переселения на мокрые северные земли...»

И чудесная помощь пришла!..

«Оборудовав кое-как школу, выписав самое необходимое из округа, Мария Никифоровна через два месяца начала учебу.

Ребята ходили неисправно. Придут то пять человек, то все двадцать <...>.

Ребятам не во что было ни одеться, ни обуться. Часто школа совсем пустовала. Хлеб в селе подходил к концу, и дети на глазах Марии Никифоровны худели и теряли интерес к сказкам.

К Новому году из двадцати учеников двое умерли, и их закопали в песчаные зыбкие могилы <...>.

Было ясно: нельзя учить голодных и больных детей <...>.

И Мария Никифоровна догадалась: в школе надо сделать главным предметом обучение борьбе с песками, обучение искусству превращать пустыню в живую землю».

С этой почти нечеловечески трудной, но жизненно значимой для жителей Хошутова задачей Мария Никифоровна, подобно киногероине Веры Марецкой, справилась. Она обучила крестьян бороться с песками, хотя никогда прежде этим не занималась. Помогли отечественное образование, умение решать задачи, вопросы в которых ставит сама жизнь, знание того, где и как искать ответы, привычка к полезному умственному труду.

«...Поселенцы в Хошутове стали жить спокойнее и сытее, а пустыня помалости зеленела и становилась приветливой.

Школа Марии Никифоровны всегда была полна не только детьми, но и взрослыми, которые слушали чтение учительницы про мудрость жить в песчаной степи».

¹Текст рассказа дан в сокращении. Сокращения обозначены многоточием. Подлинный текст взят в кавычки.

Но когда через несколько лет, наполненных непрерывными поисками, радостями и бедами, заведующий окружного отдела народного образования стал уговаривать Марию Никифоровну поехать в другое село — в Сафуту, где, обучая детей, надо было снова заново одновременно обучать «культуре песков» и осевших там кочевников, «...Мария Никифоровна задумалась:

«...Неужели молодость придется похоронить в песчаной пустыне среди диких кочевников и умереть в шелюговом кустарнике, считая это полумертвое деревцо в пустыне лучшим для себя памятником и высшей славой жизни?..

А где же ее муж и спутник?..

Потом Мария Никифоровна второй раз вспомнила умного, спокойного вождя кочевников, сложную и глубокую жизнь племен пустыни, поняла всю безысходную судьбу двух народов (русских крестьян и инородцев-скотоводов. — *Н. С.*), зажатых в барханы песков, и сказала удовлетворенно:

— Ладно. Я согласна... Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... Приеду не по песку, а по лесной дороге. Будьте здоровы — дожидайтесь!

Завокроно в удивление подошел к ней.

— Вы, Мария Никифоровна, могли бы заведовать целым народом, а не школой. Я очень рад, *мне жалко как-то вас и почему-то стыдно...* Но пустыня — будущий мир, бояться вам нечего, *а люди будут благородны*, когда в пустыне вырастет дерево... *Желаю вам всякого благополучия*» (выделено нами. — *Н. С.*)

Примерно о такой же ситуации и борьбе, но не с пустыней, а с бескультурьем, могла бы рассказать и я, вспоминая свое детство, поскольку мои родители — тоже учителя, причем мама — Ольга Константиновна, — несмотря на открывавшиеся ей широкие возможности, все-таки всю жизнь свою отдала именно деревенской начальной школе, считая, что хорошая начальная школа — это основа всех основ. Она учила так называемых «барачных» детей (их родители, привезенные с разных концов страны, в 30-е годы XX в. строили ЦАГИ — теперь известнейший в стране центр авиации — г. Жуковский).

Помню ее первый класс... Это были ни-

кому не нужные, фактически брошенные дети, разного возраста (от 8 до 12 лет), не умевшие ни читать, ни писать и в равной мере лишенные общепринятых культурных привычек. Она должна была задать им и основы культуры, и любовь к учению. И это ей удалось. Во всяком случае, все ее ученики впоследствии — даже те, систематическое образование которых закончилось начальной школой, — «вышли в люди», т.е. стали квалифицированными специалистами рабочих профессий. А самый старший из них — Вася С., сначала опекавший меня как младшую сестренку, а потом мой верный друг до конца его дней, после четырех лет систематического обучения в этой начальной школе путем самообразования и через многочисленные и общедоступные тогда специальные курсы овладел в конце концов зарубежными подъемными кранами, стал уникальным спецом и при этом постоянно читал «толстые» литературные журналы и выходящие в свет новые книги. Он даже стихи писал: не для печати, а «для души», понимая их литературное несовершенство. И очень огорчился, беседуя со мной (тогда уже научным работником), если оказывалось, что он ориентирован в вопросах последних изданий лучше, чем я. Вот почему, я думаю, нашей маме тоже, как и тем учительницам, о которых шла речь выше, всегда было не до нас — ее родных детей. Зато «барачные» дети бывали в нашем деревенском домике постоянно. Обычно чуть свет они уже стояли у калитки и ждали свою учительницу, чтобы по очереди, которая соблюдалась неукоснительно, с гордостью почти два километра нести ее чемодан с их тетрадками и приготовленные ею ночью наглядные пособия (мама прекрасно рисовала). Днем, вернувшись из школы, мама обычно приводила кого-то из них, а то и нескольких сразу, чтобы помыть им головы или выстирать рубашки. В свободное же время — особенно перед выходным — под вечер — в нашем домике снова собирались ее питомцы, которых она приучала «культурно проводить досуг»: рассказывать сказки, петь хором, читать стихи, шить костюмы для спектаклей и т.д. и т.п. В этом была ее жизнь, как и в том, чтобы в убогой дере-

вухе хуторского типа, где испокон века никто ничего, кроме картофеля, не сажал, носить на себе с болота торф, удобрять землю и разводить цветник — даже розарии... Помню, как угрюмо иронизировали окружающие над этой «блажью» городской приезжей, а она все носила и носила торф, все сажала и сажала цветы, которые со временем появились в палисадниках у всех. И потом, уже совсем состарившись, будучи на пенсии, она умудрялась как-то незаметно собирать вокруг себя деревенских ребятшек в совсем незнакомых местах, так сказать, «на даче», чтобы помогать им расти людьми. Как ребята находили ее, почему с радостью приходили и неохотно уходили в те часы, когда она им разрешала, я не знаю. Знаю только, что и сейчас, через 30 лет после ее ухода из жизни, все они помнят ее и считают своим идеалом. Похоже, что эту тайну в XIX в. раскрыл Н.А. Добролюбов. Думаю, он был абсолютно прав, когда писал: «Дети любят собирать в одно все понятия о совершенстве, какие им удалось получить в недолгой своей жизни, и переносят их на какую-нибудь определенную личность, в которой видят осуществление своих идеалов. Всего чаще идеалом их становится учитель, и в нем-то стараются они видеть соединение всех добродетелей. <...> Чем больше учитель будет помнить, что ученики смотрят на него как на существо высшее, тем сильнее будет доставлять отрады каждая его похвала, тем глубже врежется в сердце ученика каждый упрек его, а следовательно, и все дело воспитания будет несравненно благотворнее. Но горе учителю, который неосторожным своим поведением <...> разрушил то обаяние, которым был окружен в их глазах. <...> Как только нравственное доверие потеряно или поколебалось хоть несколько, тотчас же и слово учителя теряет свою силу, — его похвала и порицание не имеет значения, и то, что прежде охотно и радостно делалось — единственно из любви и уважения к нему, достигается уже не иначе как школьной тиранией, наказаниями и принуждением».

«Первых учительниц», близких к идеалу, в России и до сих пор много. Их имена можно перечислять и перечислять, хотя их

надо уметь находить и видеть: у них нет времени «быть на виду». Это и Мария Кирилловна Камшечко, отказавшаяся в 90-е годы XX в. перейти в «элитную» школу «за большую зарплату» и, к удивлению приглашавших, оставшуюся почти бесплатно учить и воспитывать обычных неприкаянных тогда ребяташек в одном из районов Москвы — «у пивного завода». Это и Нина Михайловна Суворова, которую на последнем уроке современные московские четвероклассники встретили стоя, почти со слезами на глазах, а на доске в меру их стараний каллиграфически была выведена надпись: «Простите нас за все!», хотя они с I класса любили свою учительницу, с удовольствием слушались ее и фактически прощать-то их было не за что. Это и Ольга Артуровна Обнорская, и Александра Геннадьевна Дудина, и Елена Юрьевна Зенина, и множество других учительниц начальных классов — скромных, забывающих о себе, но изо дня в день упорно и профессионально, с равной заботой окормляющих всех своих учеников — умных и глупых, хороших и плохих, озорных и послушных, — чтобы не только учить их, а *растить* и чтобы все они за четыре года захотели, обучаясь в школе, непременно познать себя и в конце концов «нашли бы себя» в этой нелегкой, но прекрасной жизни.

И последнее. Надо объяснить, зачем мы дали весь этот материал. Для кого он написан? Кому нужен образ — первый учитель как идеал? Убеждены, он нужен всем! Нужен как *общепризнанный критерий* для самооценки прежде всего тем, кто служит (именно служит обществу, а не работает!) учителем; нужен тем, кто готовит кадры учителей начальных классов; нужен и самому обществу, чтобы оно наконец всерьез задумалось о своем отношении к непризнанному (или признанному только на словах — один раз в году, в День учителя) подвигу настоящих учителей именно начальных классов, о том, *как нуждаются в таких учителях дети*; нужен для того, *чтобы общество испытало жгучий стыд за то, чем оно (общество) такому учителю платит* — не столько в денежном выражении, сколько в духовном. Ведь без такого учителя, заменив его менеджером, общество никогда не добь-

ется того, чтобы обычная школа в XXI в. вновь стала лучом света в любом «темном царстве», чтобы прекратились детские суициды, наркомания и изуверство, чтобы любой ребенок знал: «Я не один и не пропаду» (слова, сказанные М. Горьким совсем по другому случаю, но весьма точно рисующие

создавшуюся ныне ситуацию!). «Не пропаду!», потому что у меня есть пример стойкости, мужества и благородства — мой первый УЧИТЕЛЬ, а точнее — моя первая учительница и обученные ею благородству, мужеству и стойкости ее ученики — мои друзья-одноклассники...

Готовность учителя к воспитанию ребенка как человека культуры в условиях языкового многообразия школы

Т.И. ЗИНОВЬЕВА,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания в начальной школе Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

В основополагающих нормативных документах Российской Федерации проблема образования представлена в статусе государственной задачи. Так, в Концепции социально-экономического развития России до 2020 года, в разделе «Образование» сказано, что возможность получения качественного образования является важной жизненной ценностью граждан, решающим фактором социальной справедливости и политической стабильности.

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» обязывает организаторов и участников образовательного процесса обеспечить всем обучающимся получение качественного образования на русском языке.

Установки нормативных документов особую значимость приобретают в образовательной среде столичного региона, культурно-языковое многообразие которой подтверждено специальными современными исследованиями. Приведем некоторые количественные показатели: более 90 % школ г. Москвы обучают детей-инофонов¹; учащиеся-инофоны сос-

тавляют 15 % общего количества московских школьников, являются представителями почти 30 национальностей; в составе 30 % московских школ есть классы, в которых учащиеся-инофоны составляют четвертую часть списочного состава (имеют место случаи, когда дети — носители русского родного языка оказываются в меньшинстве). Такое культурно-языковое многообразие, мозаичный характер образовательной среды создают значительные трудности в преподавании русского языка учителем, в усвоения его детьми-инофонами, а также в социальной адаптации обучающихся [4, 73, 74]².

Выявлены свойства современной поликультурной образовательной среды столичного региона. Среди них: концентрация в одном классе учеников-инофонов, имеющих трудности в усвоении русского языка; сосредоточение учеников-инофонов в общеобразовательных школах и почти полное их отсутствие в лицеях; концентрация учащихся-инофонов в начальной школе и сокращение их числа в средней школе; нестабильность поликультурного состава

¹ *Инофон* — носитель иностранного языка и соответствующей языковой картины мира.

² В квадратных скобках указаны номер работы и страницы в ней из раздела «Использованная литература». — *Ред.*